

Петру Чалому

«Житы треба, як ни гирко» —
Бабушкино вспоминаю...
Были те слова, как гирька
В наших ходиках — стальная.

Так уже никто не скажет...
Не кляла, не обличала.
И слезы нестертой тяжесть —
Жизни маятник качала.

И пока слеза, нетленна,
На щеке ее дрожала,
Белые рубили пленных
В вербах, конный круг сужая.

И просил — на русском чистом —
«Есть», и, молока дождавшись,
Плакал офицер-мальчишка,
Что ночами шел с Гражданской...

А потом — кулачить стали...
Но когда голодовали —
В полдень на колхозном стане
Кашу-затирку давали...

И в глазах полуоткрытых
То смеркалось, то светало:
Бабушка свой век — в отрывках —
По складам впотьмах читала.

Век, что звал за волю драться,
Сделал кровь и раны — речью.
...И помог в щепоть собраться
Пальцам бабушки калечным.

«Бабушка, ты всех простила?!» —
Сердцу не было покоя.
И она меня крестила —
Той, калечною рукою:

«Житы треба, як ни гирко».
...Ход часов не различая,
Все подтягиваю гирьку,
Ту, что маятник качает.

ДОБРОЕ УТРО

Что там синица звенит январю,
Чем она делится с ним?
«Доброе утро!» — тебе говорю,
Прикосновеньем одним.

Марш Мендельсона давно уже стих —
За голосами внучат.
Жизни хватает мелодий простых,
Тех, что негромко звучат.

След, что поземкой ночной заметен,
Солнышко тянется греть.
И на капли сменял Мендельсон
Маршей гремящую медь.

Слышишь? — уже законная тишь
Музыкой тою полна...
Той, что сыграет заснеженных крыш
Солнечная сторона!

Что там синица звенит январю,
Чем она делится с ним?
«Доброе утро!» — тебе говорю,
Прикосновеньем одним...

* * *

Как снег, как дрожью облитая ветка, —
Я на людях стихи читаю редко.
Когда один на сцене остаюсь,
Хочу я тронуть лиру — и боюсь.

Откликнутся?
Лишь только им скажи я,
О том, что люди людям не чужие,
Откликнутся! Но это же потом;
А что мне делать с пересохшим ртом?

И пальцы, лиру сжавшие, не юны,
И поистерлись золотые струны,
Что я в Эдеме брал когда-то с рук;
И вместе с ними поистерся звук.

Я трону лиру — миру легче станет?
...Но девочка глаза большие тянет
Ко мне (я разглядел ее беду —
Вихрастую, вон там, в другом ряду)...

И все-таки, читать стихи со сцены, —
Как Афродите вызволять из пены,
Из пены сигаретной и пивной, —
Богинею, не девкою срамной.

Как снегопад, как лист, задетый дрожью,
Я раздуваю в душах искру Божью...
И потому не за себя боюсь,
Когда один на сцене остаюсь.

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

Проспект Победы, переулок Вдовый
(Блокадный, Инвалидный)... Это — нам.
Не нужно даже ставить номер дома
И называть нас всех по именам.

Пишите нам — таким, не знаменитым,
Еще «режим» заставшим и «прижим»,
Затюканным генсеками и бытом,
Но вам, по этим стежкам, не чужим.

Не фейерверком и не брагой пенной,
Не золотой пшеницей на парах —
Мы поднялись травой послевоенной
На пепелищах и на брустверах.

А вы теперь, нос по ветру, блажите:
«Я — мира житель, мне подай весь мир!»
Черняшкою, послевоенным житом
Мы из осколков проросли, из мин.

Наш хлеб хранит тех лет железный привкус,
Но нам не надо за море кивать,

Вставлять фарфор и ставить модный прикус,
Чтоб этот черствый, честный хлеб жевать.

Вам это все, быть может, и не мило,
Но помните, верша фейсбучный суд:
Пока «Фейсбук» вас развлекает «мылом»,
Здесь похоронки — писем с фронта ждут...

НА ВЕТРУ

Бьется челн — ни гребца, ни весла —
С ржавой цепкою, рвущей корму...
Режет ржавый камыш — «жизнь прошла» —
Жестяные слова, а кому?

Жизнь прошла, говоришь? Черта с два!
Мои пальцы — хоть глянь! — не дрожат.
Не смололи меня жернова,
Что на старой плотине лежат.

Не затем я вдоль стариц брожу;
Не затем, что горяч и рисков,
Я туда, за излуку гляжу
С позабрызганных стужей мостков.

Этой жизни не друг, не жених, —
Кто я ей? Став моим толмачом,
Тебе скажет любой из живых —
Да хоть рвущийся по ветру челн...

Мне тепло — на юру, на миру,
Здесь, где, старицы вдев в рукава,
Режет старый камыш на ветру
Из прорех жестяные слова.

* * *

Нам говорят: пора заняться делом!
По белу свету ветром не бродить,
А, наконец, разжиться светом белым:
С гербом бумаги взять, огородить.

Заняться делом, для других привычным...
Вот бред! С ума сойду — и позову
Обзаводиться белым светом личным —
Опавший лист, поникшую траву?

...Бездомным стежкам, брошенным березам,
Стожку, что в редких лозах прикорнул, —
Свет белый, по снежинке, нынче роздан —
Все-всем, кто просто руку протянул...

Может быть, и жила ты не мною,
А придуманным образом... Но
Это все не прошло стороною
И не кануло камнем на дно.

Не икона, не мраморный идол, —
Не просил я попроще удел:
Тот, кого я в глазах твоих видел,
На меня неотрывно глядел...

Дни чужие, то розно, то купно,
Душу взять норовили в полон.
Но глядел на меня неотступно
Из заплаканных глаз твоих — он.

Ты его не молила, не звала —
Хоть бы шелестом губ, хоть бы раз!
Ты о нем даже будто не знала —
Ни на миг не сомкнувшая глаз...